

ЖАНРОВЫЕ ТРАДИЦИИ ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЫ Д. ДИДРО В КНИГЕ М. БРЭДБЕРИ «В ЭРМИТАЖ!»*

Аннотация. В статье рассматривается влияние философской прозы Д. Дидро на творчество известного английского писателя второй половины XX века М. Брэдбери. Книга «В Эрмитаж!» построена как переосмысление идей Просвещения VIII века. Влияние прозы Д. Дидро прежде всего проявилось в выборе жанра произведения. В результате сравнительного анализа произведений Д. Дидро «Жак-фаталист» и «Племянник Рамо» с романом М. Брэдбери «В Эрмитаж!» выявляются общие для обоих авторов черты. Жанровая связь данных текстов проявляется в использовании диалогического типа повествования, смешанных жанровых форм, жанровой свободы авторов в целом, что позволяет охарактеризовать роман «В Эрмитаж!» М. Брэдбери как продолжение традиций философской прозы Д. Дидро.

Ключевые слова: английская литература, цитата, аллюзия, реминисценция, прецедентный текст, жанровая связь текстов, диалогический тип повествования, смешанные жанровые формы.

E. Tsareva

GENRE TRADITIONS OF D. DIDEROT'S PHILOSOPHIC PROSE IN THE BOOK «TO THE HERMITAGE» BY M. BRADBURY

Abstract. The article considers the influence of D. Diderot's philosophic prose exerted on creative work of M. Bradbury, a famous English writer of the second half of the 20th century. The book "To the Hermitage" represents the reconsideration of the ideas of the 18th century Enlightenment. The influence of D. Diderot's philosophic prose can be traced primarily in the choice of genre. The comparative analysis of Diderot's works "Jacques the Fatalist" and "Rameau's Nephew" and M. Bradbury's novel "To the Hermitage" reveals features common for the both authors. The genre connection between the texts is manifested through the use of the interlocutory type of narration, mixed genre forms and general genre freedom. This makes it possible to characterize M. Bradbury's novel "To the Hermitage" as a development of the traditions of D. Diderot's philosophic prose.

* © Царева Е.В.

Key words: the English literature, quotation, allusion, reminiscence, precedent text, genre connection between texts, interlocutory type of narration, mixed genre forms.

В творчестве Малколма Брэдбери (1932–2000) – одного из самых известных английских писателей и литературных критиков второй половины XX века – роман «В Эрмитаж!» занимает особое место. Это во многом итоговое произведение, вышедшее в 2000 году, принято рассматривать как своеобразное духовное завещание писателя.

Книга посвящена идеям Просвещения XVIII века и их судьбе в XX веке. Композиционно она представляет собой достаточно строгое чередование исторических и современных глав. Сцены, рассказывающие о путешествии Дени Дидро в Петербург и встречах французского философа с русской императрицей, прерываются сценами путешествия на пароме Стокгольм – Петербург участников проекта «Дидро» в XX веке. Время действия в каждом случае обозначено очень точно. Отсчет событий прошлого начинается с 22 июня 1773 года, когда Дени Дидро собирает друзей на прощальный вечер по поводу своего отъезда в Россию. Для современных глав это начало октября 1993 года, время, когда стартовал проект «Дидро» и одновременно время политического путча в России. После обозначения номера каждой главы в скобках идет примечание: (Now, Сейчас) или (Then, Тогда). Все нечетные главы посвящены настоящему, все четные – прошлому. Идеи Просвещения представляет прежде всего фигура великого философа и писателя Дени Дидро, который объединяет исторические и современные главы книги «В Эрмитаж!». Соответственно в романе М. Брэдбери присутствует большое количество аллюзий, отсылок, параллелей с произведениями Д. Дидро, что позволяет рассматривать книги Д. Дидро «Жак-фаталист и его хозяин» и «Племянник Рамо» в качестве прецедентных текстов.

Прежде всего, влияние прозы Д. Дидро сказалось в выборе жанра произведения. Повести «Жак-фаталист и его хозяин» и «Племянник Рамо» Д. Дидро принято характе-

ризовать как диалогическое повествование широкого жанра, что в большой степени может быть отнесено и к роману М. Брэдбери. Произведения Д. Дидро построены как спор антагонистов. Тот же диалогический тип повествования использует М. Брэдбери, при этом он не просто воспроизводит структуру «Племянника Рамо», он строит свою книгу по тому же принципу диалектики, спора двух противоположных начал. В тексте есть ряд прямых отсылок и цитат, указывающих на связь произведения Брэдбери с романом Дидро: «Сочиненная нашим героем история – бессмертна. Восхитительный диалог между странствующим парижским мудрецом и его знаменитым двойником – ленивым, мечтательным льстецом, бесполезным паразитом, племянником великого хромого композитора Жана-Филиппа Рамо. По сути, это дискуссия между «Мoi» и «Lui», «Я» и «Он», двумя сторонами человеческой личности» [3, с. 65]. Многие главы романа «В Эрмитаж!» построены в форме диалогов, так же, как в «Племяннике Рамо» Д. Дидро. Важно отметить, кто вступает в диалоги. Это всегда, как и у французского философа, антагонисты. Самое заметное место в романе занимают диалоги Дидро с его оппонентами в исторических главах и споры повествователя с его оппонентами в главах современных.

В исторических главах романа главный антагонист Дидро – Екатерина Великая. Большинство диалогов Дидро и Екатерины Великой построены, в подражание структуре «Племянника Рамо», как дискуссия антагонистов. Философ и императрица занимают диаметрально противоположные позиции. Там, где Дидро конечной целью видит свободу, императрица мечтает об упрочении своей и так абсолютной власти. Различны их взгляды и по другим вопросам. Поэтому диалогическая структура повествования оказывается удачной, подчеркивая и явные, и скрытые противоречия во взглядах Дидро и Екатерины.

В современных главах романа основными антагонистами, вступающими в дискуссию, являются повествователь и профессор Версо. Повествователь в современных главах остается безымянным. В «Племяннике Рамо» главный герой тоже не назван по имени, его роль обозначена словом «Философ». Как и у Дидро, от имени главного героя ведется повествование в книге, он является связующим звеном всех пластов романа. Но герой этот остается в тени. С одной стороны, автор не скрывает, что его персонаж фигура во мно-

гом автобиографическая. С другой стороны, ни разу этот персонаж не назван по имени, на протяжении пятисотстраничного романа он остается безымянным. Собеседники обращаются к нему «профессор», сам себя он чаще всего называет «я», иногда «ваш покорный слуга». Образ повествователя у Брэдбери занимает, на первый взгляд, весьма скромное место. В компании участников проекта Дидро он только один из многих. Практически с ним не связано сколько-нибудь активных действий. Этот персонаж все время остается в тени. И, тем не менее, именно к нему стягиваются все нити повествования. Именно его фигура, как и фигура Дидро, является объединяющим началом для двух разных временных и исторических пластов романа. М. Брэдбери не скрывает безусловного сходства между собой и фигурой повествователя, у них примерно один и тот же жизненный путь и жизненный опыт. У них одинаковые взгляды и мировоззрение. В то же время писатель Малькольм Брэдбери и герой его романа «В Эрмитаж!» никак не одно лицо. Ответ на вопрос, кто же такой повествователь в романе, следует искать, обратившись в прошлое, к структуре романов Дидро. Кто такой племянник Рамо в одноименном романе Дидро? В нем много от автора, но какая из его ипостасей – «я» или «он» – ближе к философу? Этот вопрос не имеет ответа, или, по крайней мере, ответ неоднозначен. Примерно так же обстоят дела и в романе Брэдбери. Образ повествователя, имея внешнее сходство, почти совпадая в деталях с обликом самого Брэдбери, в то же время вобрал в себя и какие-то черты от писателя и философа Дидро. Он является, скорее, воплощением некоей абстрактной фигуры Писателя, Творца, Автора.

Антагонист повествователя в современных главах романа – американский профессор Жак-Поль Версо, сторонник постмодернизма и деконструкции, характеризуется как «ходячая проблема, американский академический экстремист, интеллектуальный адреналин во плоти» [3, с. 108]. Дискуссии между повествователем и профессором Версо помогают выявить их взгляды практически по всем ключевым проблемам.

Та же диалогическая форма повествования используется в меньших масштабах при разговорах других героев-антагонистов, например, героя, в данном случае отстаивающего идеи самого Брэдбери, и руководителей проекта «Дидро» Лунебергов. В целом само деление романа на два плана – исторический

и современный – можно рассматривать как диалогическую форму повествования, диалог истории и современности.

Важен и вопрос жанровой свободы писателя. Как известно, Д. Дидро не ограничивал себя строгими рамками одного жанра и обычно использовал смешанные жанры. Таким же подходом руководствуется М. Брэдбери. Проблема жанра поставлена им уже в предисловии. Автор размышляет на тему, чем же, собственно, является его книга, обосновывает важность и документального, и художественного пластов повествования. Книгу предваряют два предисловия. Точнее, роль одного из них обозначена как «предисловие» (Preface), а второго как «введение» (Introduction). Первое из них, обозначенное как предисловие, рассказывает об источниках книги, попутно автор подробно размышляет о жанре, в котором написано произведение. М. Брэдбери начинает с утверждения: «Это (как мне кажется) история» [2, с. 22]. Важно, что в оригинале используется не термин «роман» (a novel), а термин «история» (a story). Этот термин, как известно, предпочитал и Д. Дидро. В частности, в «Разрозненных мыслях...» он писал: «При прочих равных условиях мне больше по душе история, нежели вымысел» [4, с. 491]. М. Брэдбери в предисловии несколько раз возвращается к вопросу жанра: «Это, как я уже утверждал, история». Предисловие же он заканчивает с вопросительной интонацией, оставляя тем самым проблему открытой: «И это объясняет, почему я взялся писать это... хорошо, давайте называть это историей?» [2, с. 22]. Дискуссия о специфике жанра продолжается и далее в тексте романа, с ней связаны сюжеты нескольких глав книги.

Принцип жанровой свободы восходит к прозе Дидро, книги которого включали в себя многочисленные вставные эпизоды, не связанные прямо с сюжетным действием, бытовые рассказы, дорожные зарисовки, вплоть до анекдотов и афоризмов. Сквозная фабула у Дидро практически отсутствовала. В самом повествовании динамичные сцены, где много действия, сменялись отвлеченными философскими размышлениями. Вместе с тем повествование обладало художественной цельностью и драматизмом.

Проблема жанра тесно связана с соотношением правды и вымысла в произведении. Д. Дидро часто использовал смешанные жанровые формы. Д.Д. Обломиевский и С.В. Тураев отмечают следующие особенности прозы

Д. Дидро: «В его трудах по философии, по эстетике, по проблемам драматургии и актерского мастерства, в его очерках-отчетах о художественных выставках проявилось то особенное мастерство литераторов-просветителей, когда искусство было пронизано философией, а теоретические идеи излагались с поэтическим блеском, в живой и образной форме, отвечавшей пропагандистским задачам «века разума»» [6, с. 129]. Дискуссия, развернувшаяся в романе на конференции, посвященной Дидро, и ставшая частью повествования у Брэдбери, выявляет разные взгляды участников на соотношение реальности и фантазии в собственно художественной и в документальной прозе. Но ответ на вопрос, какие, собственно, жанры оперируют фактами, найти не так просто, как может показаться на первый взгляд. В результате долгих споров участники конференции приходят к выводу, что литература факта – это исторические сочинения, биографии, научные статьи, истории болезней, договоры, контракты, руководства, инструкции, энциклопедии, философские трактаты и так далее. В таком случае, к произведениям вымышленным относятся романы, поэмы, пьесы, комедии, трагедии, сказки, литература фэнтези. Открытым остается вопрос, к чему отнести жанры, сочетающие и факты, и вымысел, например, в творчестве Дидро. Как известно, он писал философские трактаты, энциклопедические статьи, а также пьесы, романы, рассказы. Итог дискуссии, представленной в диалогах, как это делал и сам Дидро, подводит один из участников: «Существует два разных метода построения нарратива и организации языкового пространства. Один мы называем фактологическим, другой – фантастическим. Я утверждаю, что Дидро это понимал не хуже нас. Поэтому большинство его произведений не содержит никаких утверждений, это просто истории, или пьесы, или диалоги – драматическое столкновение разных мнений» [3, с. 218]. В контексте поставленных в данной статье проблем более важным представляется тот факт, что, по мнению Брэдбери, смешанные жанровые формы – это не открытие XX века, а традиции литературы XVIII века – века Дидро и даже более ранних эпох. Итоговый вывод в образной форме обозначает синтез жанров: «Но на самом деле все мы, историки, ученые, философы, актеры и романисты, плывем на одном корабле» [3, с. 218-219]. Во многом это ответ и на вопрос о жанровой природе произведения М. Брэдбери «В

Эрмитаж!». Это отчасти литература факта, отчасти вымысел. Здесь есть черты и исторического романа, и научного исследования, и философского трактата, и биографической прозы, и путевых заметок, и мемуаров, и литературной критики. Можно говорить о смешанном жанре, сочетающем документальное и художественное начало. Но так писал и Дидро. Специфика жанра в своей основе имеет интертекстуальное начало. Брэдбери в этом следует за Дидро. Книги французского философа также сложно поддаются классификации и соединяют в себе и художественное, и документальное начало. Правильнее будет сказать, что оба писателя предпочитали чувствовать себя свободными в выборе жанра произведения и не считали нужным стеснять себя при этом какими-либо ограничениями. Идея свободы, являющаяся центральной в книге Брэдбери, таким образом, определяет и специфику жанра.

Из произведений Д. Дидро заимствуется и мотив дороги, который занимает важное место в романе М. Брэдбери. Место действия романа «Жак-фаталист» Дидро – дорога, по которой от трактира к трактиру едут верхом Жак и его безымянный Хозяин. Мотив дороги сопровождает все сцены этого романа, подчас очень колоритные, с ним связаны споры, размышления, рассказы героев. Дорога позволяет персонажам встретиться с самыми разными людьми – хитрыми монахами, знатными дамами, офицерами, дуэлянтами, простыми крестьянами. В конечном счете, в книге представлена вся Франция XVIII века – все сословия и социальные слои.

Подобным приемом воспользовался и М. Брэдбери. Действие его романа также происходит в дороге. Название романа можно понимать и в прямом, и в переносном смысле. «В Эрмитаж!», с одной стороны, – это обозначение географического маршрута следования – конечной целью проекта «Дидро» является Эрмитаж и поиски таинственно исчезнувшей библиотеки Дидро (по крайней мере, с этой целью едет в Россию главный герой). С другой стороны – название метафорично, «в Эрмитаж» – это обозначение некоего «Пути Просвещения», которым мысль философов восемнадцатого века двигалась на восток, в Россию. Именно «Путь Просвещения» служит центральным стержнем романа. В восемнадцатом веке из Парижа едет в Санкт-Петербург к русской императрице Екатерине Второй философ и просветитель Дени Дидро, а в двадцатом веке из просвещенной и цивили-

лизованной Европы, точнее, из ее северной части, из Стокгольма едут в потрясаемую очередными политическим распрями и потому с точки зрения европейца варварскую Россию участники проекта «Дидро». И в том, и в другом случае герои следуют с Запада на Восток, из страны цивилизованной в страну нецивилизованную. И тот, и другой маршрут можно назвать «Путем Просвещения», термином, в содержание которого М. Брэдбери вкладывает изрядную долю иронии. Путешественников он называет пилигримами, и от имени повествователя то и дело замечает: «Короче говоря, этот проект дает мне возможность совершить паломничество по Пути Просвещения к одному из мест, где оно зарождалось» [3, с. 98]. Дорога всех уравнивает, приводит в самые разные места, и это дает возможность показать все социальные слои. Как и у Дидро, у Брэдбери представлены все классы – и «сильные мира сего», и «слабые». Здесь есть императоры и короли, а есть скромные библиотекари или официанты. Роман рассказывает о реальном литературном исследовании под названием «Проект Дидро». Для реализации этого проекта из Стокгольма в Санкт-Петербург отправляется группа очень разных персонажей – от профессора литературы до оперной певицы и столяра. Если вначале участники путешествия недоумевают, с какой целью их пригласили участвовать в этом мероприятии, то постепенно замысел организаторов проекта проясняется: собрать вместе людей, которые могли бы служить олицетворением разносторонности и универсальности таланта самого Дени Дидро, автора «Энциклопедии».

В «Жаке-фаталисте» рефреном звучит вопрос: «Как они встретились?... Как их звали?... Откуда они пришли?... Куда они направлялись?» [5, с. 259]. Определенного ответа на этот вопрос нет. Важен сам процесс путешествия и связанный с ним процесс познания мира, его открывания. В конце концов выясняется, что у странствий героев есть вполне определенные цели – Жак стремится к своей возлюбленной, а Хозяин жаждет отомстить за свою честь – подлинный смысл долгого путешествия оказывается сложнее. Это вечный поиск истины, за которой и отправляются в конечном счете герои. Похожее положение складывается и в романе Брэдбери «В Эрмитаж!». Интрига заключается в том, что никто из присутствующих не знает целей проекта «Дидро». Каждый предполагает, что это связано с его профессиональной сферой: певица –

с оперой, драматург – с театром, столяр – что это «что-то насчет мебели». Компания, действительно, собирается очень пестрая – певица, актер, столяр, дипломат, писатель, философ. Организатор проекта Бу Луннеберг объясняет цели проекта цитатой из Дидро, высокопарно и туманно: «Задача заключается в том, чтобы собрать воедино все накопленные человечеством знания, указать на все ошибки и предрассудки, докопаться до истины и, используя одни лишь свидетельства наших чувств, постичь истинную причину всех явлений и представить вещи такими, каковы они на самом деле» [3, с. 132-133]. Каждый из персонажей обретает в конечном счете свою истину и свое видение идей Просвещения. Важно, что и произведения Д. Дидро, и книга М. Брэдбери могут быть охарактеризованы как путевые заметки или романы-путешествия.

Все вышеназванные черты – жанровая связь текстов, диалогический тип повествования, использование смешанных жанровых форм, жанровая свобода автора – позволяют

охарактеризовать роман «В Эрмитаж!» М. Брэдбери как продолжение традиций философской прозы Д. Дидро.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Bradbury M. The Modern British Novel. – London, 1993. – 420 p.
2. Bradbury M. To The Hermitage. – London: Picador, 2000. – 504 p.
3. Брэдбери М. В Эрмитаж!: роман / пер. с англ. М. Б. Сапрыкиной. – М., 2003. – 510 с.
4. Дидро Д. Разрозненные мысли о живописи, скульптуре, архитектуре и поэзии, служащие продолжением «Салонов» // Дидро Д. Эстетика и литературная критика: пер. с фр. – М., 1980. – С. 486-528.
5. Дидро Д. Монахиня. Племянник Рамо. Жак-фаталист и его хозяин: пер. с фр. – М.: Художеств. литер., 1973. – 496 с.
6. Обломиевский Д.Д., Тураев С.В. Дидро // История всемирной литературы. В 9 т. Т. 5. – М.: Наука, 1988. – С. 129-137.
7. Красавченко Т. Брэдбери М. // Энциклопедический словарь английской литературы XX века / отв. Ред А.П. Саруханян; Ин-т мировой лит. Им. А.М. Горького РАН. – М.: Наука, 2005. – С. 85-87.

УДК 801.81

Шестопалова Г.А.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ПОШЕХОНЬЯ», РОДОВОГО ГНЕЗДА М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА*

Аннотация. В статье изучаются этнографические особенности родового гнезда М.Е. Салтыкова-Щедрина, центром которого было село Спас-Угол. Указывается на значение писательского рода для формирования местности, начиная с 1717 года. Частично описывается оригинальная коллекция топонимических преданий, народных рассказов, записанных в селе Спас-Угол, центре вотчины Салтыковых, и ближних селеньях, во время фольклорно-краеведческих экспедиций 1988, 1992 годов. Уделяется специальное внимание тому, как М.Е. Салтыков-Щедрин выполнял перспективный план работ императорского географического общества, которое занималось сбором этнографических описаний России.

Ключевые слова: фольклор, литература, этнография, топоним, народные преда-

ния, пословицы, народные присловья, образ, описание, очерк, роман.

G. Shestopalova

THE ETHNOGRAPHY OF “POSCHEHONJE”, THE FAMILY LANDS OF SALTYKOV-SHCHEDRIN

Abstract. The article examines the ethnographical peculiarities of ancestral estate of M. Saltykov-Schedrin, in centre of which stayed Spas-Ugol village. The importance of the writer's generation for the territory formation has been traced since 1717. The original collection of toponymic legends as well as folk stories, recorded in Spas-Ugol village, the centre of the Saltykovs' patrimony, and other neighboring settlements during the folk and area studies in 1988 and 1992, is described partially. It is also specially noted the way M. Saltykov-Schedrin was executing the long-term plan of Imperial Geographical Society, preparing the collection

* © Шестопалова Г.А.